

Тень Грозного его усыновила...

Марининский театр - 1994. - № 5. - с. 3

Времена, когда за дирижерским пультом Марининского театра появлялись крупнейшие отечественные и зарубежные мастера — а история хранит память о гастролях знаменитостей — времена эти возвращаются. Это вновь стало возможно благодаря возросшему авторитету Марининской оперы в стране и в мире.

Майские спектакли "Псковитянки" под управлением Евгения Светланова запомнились как одно из ярчайших художественных событий нынешнего сезона.

Светланов — не первый в ряду музыкантов, "благословленных" десницей грозного царя. Без малого сто лет тому назад тень Грозного "усыновила" Федора Шляпина. При его появлении в роли царя на петербургской сцене во время гастролей Московской частной оперы в феврале 1898 года раздались клики восторга, самый громкий из которых — "Радость безмерная" — принадлежал Владимиру Стасову.

Но и Шляпину предшествовали знаменитый бас Осип Петров, певший на марининской премьере "Псковитянки" в 1873 году, и... Модест Мусоргский. Последний, как вспоминает в "Летописи моей музыкальной жизни" Римский-Корсаков, на домашних музыкальных вечерах и на показах оперы в дирекции императорских театров "пел Грозного, Токмакова и другие мужские партии, смотря по надобности; некто Васильев, молодой доктор (тенор), исполнял Матугу и Тучу; Ольгу и мамку пела Александра Пургольд, аккомпанировала моя невеста Надежда Пургольд, а я... подпевал недостающие голоса и играл в четыре руки с Надей все неудобноисполнимое для двух рук. Переложение "Псковитянки" для фортепиано с голосами было сделано ею же. Исполнение в таком составе было прекрасное, ясное, горячее и стильное и происходило всякий раз при значительном стечении заинтересованных слушателей".

Не перечисляя многих выдающихся певцов и дирижеров, чьи имена связаны со сценической историей "Псковитянки", упомянем только двух еще, по общему мнению, блистательных "двойников" Ивана Грозного — Александра Пирогова и Марка Рейзена. Из их рук, а точнее из их уст мог уже воспринять эстафету любви к оперному первенцу Римского-Корсакова молодой дирижер, отважившийся и заслуживший право на постановку в 1955 году "Псковитянки" в качестве дипломного спектакля не в Оперной студии консерватории, а на сцене филиала Большого театра.

Уже тогда Борис Хайкин, известный дирижер и педагог, на страницах многотиражки Большого театра "Советский артист" писал о той большой радости, которую он испытал: "побывав в филиале на спектакле "Псковитянка", шедшем под управлением дирижера-стажера Евгения Светланова... Чувствуется, что Светланов хорошо изучил оперу, полюбил ее глубоко, до самого "дна" освоил материал. Раньше чем встать за пульт он создал свой исполнительский план и, дирижируя оперой, смело шел по пути его осуществления..."

Десять лет — от стажера до главного дирижера — в Большом театре. Три десятилетия за дирижерским пультом Государственного симфонического оркестра СССР. Триумфальные зарубежные гастроли, грандиозный труд, дело жизни —

"Антология русской музыки" в грамзаписи, премьеры множества произведений отечественных и зарубежных композиторов, уникальный свод записей всех симфонических произведений Николая Мяковского... Но за всем этим неизменно сохранялась в душе музыканта верность "Псковитянке". Он тяжело переживал, когда на смену шедшей в течение нескольких сезонов той, памятной для него постановке, в начале семидесятых в Большом театре была создана, по его словам, "некая смешанная редакция, основанная на компиляции нотного материала, взятого из нескольких авторских редакций произведения".

В обстоятельном интервью "Независимой газете" (1992, 9 июня), с выразительным подзаголовком: "Маэстро мечтает. Большой отвергает", мы читаем: "Я уже несколько лет обращаюсь в дирекцию театра с предложением поставить "Псковитянку". Эта опера имеет для меня особое, можно сказать, символическое значение: именно с нее началась моя дирижерская деятельность в Большом театре. Я очень люблю это произведение и хотел бы завершить свой творческий путь в стенах Большого театра именно "Псковитянкой".

Однако в планах Большого театра и его главного дирижера Александра Лазарева для Светланова не нашлось места.

В 1991 году Валерий Гергиев пригласил Светланова продиржировать "Псковитянку" на петербургской сцене. Из-за болезни Светланов не смог тогда откликнуться на это предложение. Но вот теперь мы стали свидетелями — пусть и не полного (все же это "ввод" в уже устоявшийся спектакль) — осуществления мечты маэстро.

Надобен сказать, что "Псковитянка", тщательно подготовленная и любовно разученная Гергиевым, с большим успехом шла в течение двух последних сезонов в Мариинке. Опытный, тактичный маэстро, Светланов и не посягал на фундаментальные перемены в основных линиях и пропорциях уже возведенного здания. Мы могли воочию убедиться, как много значит собственно музыкальная интерпретация в музыкальном театре.

На протяжении всех репетиций дирижер, в последние годы выступающий почти исключительно на симфонической эстраде, с каким-то самопожертвованием умерял звучность оркестра, рельефно выделяя певческие голоса, "просвечивая" каждую "нить" в ансамблях, стремясь к внятному и четкому произнесению текста солистами и хором. И при этом оркестр звучал не "под сурдинку", не впадал в унылую монотонию однообразного бескрайнего *mezzo forte*. Даже играя негромко, оркестр нисколько не терял в полнотворности (в смысле полноты воспроизведения нотного текста)

и детализированности нюансов. Ни тени намерения как-то выпятить или хотя бы "выгодно" подать оркестр в собственно симфонических эпизодах, или, напротив, "стусеваться", свести его роль к простому аккомпанементу, подыгрывая певцам. Характерно богатство оттенков, разнообразие акцентов, умело и рассчитано выстроенных звуковых перспектив, грандиозных, но при том не "ревуших" *crescendo* резких всплесков *sforzando* и замираний звучности — все то, что так отличало исполнение, скажем, увертюры и симфонической картины грозы и царской охоты, открывающей третье действие. Медленные темы увертюры — по-русски раздольные, быстрые — не чрезмерно торопливы. Словом, это был в буквальном смысле "поющий" оркестр, поющий на светлановский лад. Думается, при относительно малом репетиционном времени Светланову не удалось бы добиться столь ощутимых результатов, не будь нынешний оркестр Марининского театра совершенным инструментом, чутко откликающимся на различные исполнительские манеры дирижеров.

Обстоятельства не во всем благоприятствовали нашему гостю. Внезапно заболел после первых репетиций основной исполнитель роли Ивана Грозного — Владимир Огновенко. Еще более тревожила столь же неожиданная малочисленность

хора (увы, болезни настигли и его). Но надо отдать должное "вышедшему на замену" Булату Минжилкиеву — и вокально, и актерски он справился с труднейшей ролью, в особенности выразительно и ярко проводил он сцены из заключительной картины третьего акта. Хору же ценой некоторого напряжения и форсировки звучности удалось поддержать необходимый накал страстей в картине ночного веча и в грандиозной сцене въезда царя Ивана во Псков.

Привычно высокий уровень солистов и даже певцов "на вторых ролях" на Марининской сцене позволяет нам уклониться от подробного анализа их исполнительского рисунка (отметим, пожалуй, только удачное первое выступление Юрия Марусина в роли Михайло Тучи). Правда, от одного наблюдения все же не уйти: наши певцы еще не столь же мобильны, как музыканты оркестра, и не во всем успели за короткое репетиционное время последовать за дирижером, предложившим в частности более гибкую и более тонкую шкалу динамических оттенков. Но что все это значит по сравнению с тем потрясением, которое испытываешь, слушая финальный хор-оплакивание, когда музыка осеняет нас своей вечной красотой, примиряя и утешая.

Иосиф РАЙСКИН

После спектакля: Е. Светланов с Г. Горчаковой, Ю. Марусиным, Б. Минжилкиевым. Фото Владимира ГРИГОРОВИЧА

Минжилкиев
Светланов

1994

1994